

УДК 49
ББК Ш 164.2

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОВОГО СТРОЯ ЯЗЫКОВ ДЕРБЕТОВ КАЛМЫКИИ И МОНГОЛИИ*

В. И. Рассадин, С. М. Трофимова

Калмыцкий язык, его грамматика, как известно, изучаются уже давно, начиная с середины XIX века, достаточно вспомнить труды А. Бобровникова [1849] и А. Попова [1847]. Все последующие годы они также не оставались без внимания исследователей, о чем свидетельствуют, к примеру, исследования грамматического строя калмыцкого языка В. Л. Котвича [1929], Г. Д. Санжеева [1940], У. У. Очирова [1964], Б. Б. Бадмаева [1966], а также труды последнего времени — академическая «Грамматика калмыцкого языка» [1983], «Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка» [2002; 2008] и ряд других. Исследованы фонетика, лексика и синтаксис. Менее всего в этом плане повезло калмыцкой диалектологии, по которой почти нет работ, где бы получили свое полное описание калмыцкие говоры. Здесь можно назвать лишь несколько крупных исследований, таких как работа А. Ш. Кичикова «Дербетский говор» [1963], монографии Н. Н. Убушаева, посвященные описанию торгутского говора [1979] и диалектной системы калмыцкого языка вообще [2006]. Проблеме же изучения калмыцкого языка и его говоров в сравнительном аспекте с языком ойратов и ойратскими говорами Монголии почти не уделялось внимания монголистами. Здесь можно назвать лишь совместное исследование российских и монгольских ученых, посвященное историческим связям калмыцкого языка с языком ойратов Монголии [Рассадин и др. 2010]. Конкретные же говоры калмыцкого языка в данном аспекте вообще не изучались.

Ниже мы делаем попытку осуществить сравнительное исследование пока только

фонетики языка дербетов Калмыкии с фонетикой языка дербетов Монголии. При анализе мы опирались на упомянутую выше работу А. Ш. Кичикова и собственные наблюдения над говором дербетов Калмыкии. Материал по говору дербетов Монголии взят из работ Э. Вандуя [1965] и Ж. Цолоо [1988].

Сравнительное исследование фонетики дербетского говора, одного из основных говоров калмыцкого языка, наряду с торгутским и бузавским говорами [Убушаев 2006: 5–6], со звуковым строем языка дербетов Монголии, составлявших с дербетами России некогда (несколько сот лет тому назад) единый народ в Центральной Азии, позволило получить следующие результаты.

Прежде всего, следует отметить, что сравнение общего состояния звукового строя дербетского говора со звуковым строем языка дербетов Монголии показало, что между ними не выявилось принципиальной разницы. Их звуковой строй в своих основных классификационных чертах сходен и позволяет объединить язык дербетов России и язык дербетов Монголии в язык, входящий в самостоятельный ойратский ареал монгольских языков, сформировавшийся, по всей вероятности, со своими специфическими чертами еще в глубокой древности. В ходе формирования ойратского ареала в звуковом строе языков ойратских племен, в том числе и дербетов, одних из предков калмыков, происходили единые эволюционные процессы, в результате действия которых современные калмыцкий язык и ойратские говоры Монголии, несмотря на то, что их носители в течение более четырехсот лет

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Язык дербетов России и Монголии», № 11-24-03005a/Mon.

разделены многотысячным пространством, сохраняют сходные фонетические черты.

Характерные специфические признаки звукового строя ойратского ареала явственнее всего проявляются при сравнении ойратской фонетики с фонетикой соседствующего халха-монгольского языка, ибо в их основе лежит звуковой строй одного и того же монгольского праязыка, из которого они развились.

В области вокализма сравнение выявило следующую картину эволюции гласных фонем. Современная система вокализма как языков ойратского ареала, так и халха-монгольского включает три группы гласных фонем: группу кратких гласных, долгих гласных и дифтонгов.

По своим характерным признакам краткие гласные четко делятся на краткие гласные, употребляющиеся только в первом слоге, и на гласные, используемые в последующих слогах. У этих двух групп кратких гласных разные акустические признаки. Современные краткие гласные первого слога являются гласными полного образования, имеют четко выраженные акустические классификационные признаки (постоянную длительность, устойчивую тембровую окраску) и определяются как передне- и заднеязычные по месту образования.

В языках калмыцких дербетов, дербетов Монголии и халха-монголов краткие гласные первых слогов произносятся одинаково четко и с полной артикуляцией. Дербеты Калмыкии употребляют следующие краткие гласные: три твердорядных — *a*, *o*, *y*; пять мягкорядных — *э* (*e*), *э*, *ө*, *ү*, *и*. В системе вокализма говора дербетов Монголии в принципе представлена та же система кратких гласных первого слога, что и вышеупомянутая калмыцкая система.

Процесс становления системы кратких гласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии происходил следующим образом: четыре древнемонгольских твердорядных кратких гласных **a* (*a*), **o* (*o*), **y* (*y*), **ы* (*i*) частично сохранились, частично трансформировались.

При этом гласный **a* (*a*) продолжает оставаться в первом слоге многих твердорядных слов как общедербетского, так и халхаского языков в словах типа дерб. *арвән*, х.-монг. *арав* // *арван* (< др.-монг. **arban*) ‘десять’; дерб. *амән*, х.-монг. *ам* // *аман* (< др.-монг. **aman*) ‘рот, уста’; дерб. *байн*, х.-монг. *баян* (< др.-монг. **bayan*)

‘богатый’. Гласный *a* в первом слоге в некоторых случаях появляется вместо **i* в результате действия раннего перелома гласного **i*. Например, дерб. *махән*, х.-монг. *мах* // *махан* (< др.-монг. **miqan*) ‘мясо’ (> стп.-монг. *tiqan* > бур. *мяхан* id.); дерб. *ямаан*, х.-монг. *ямаа* // *ямаан* (< др.-монг. **yīmaγan* ‘коза’ < др.-тюрк. *jītγa* ‘самка дикого горного козла’ ~ *ītγa* ‘коза’), ср. стп.-монг. *ītaγan* > бур. *нимаан~ямаан* ‘коза’.

Твердорядный краткий гласный **o* (*o*) либо продолжает сохраняться начиная со времен древнего монгольского языка, например: дерб. *долаан*, х.-монг. *долоо(н)* (< др.-монг. **doluγan*) ‘семь’; дерб. К. *йосән*, дерб. М. *йосүн*, х.-монг. *ес* // *есон* (< др.-монг. **yosun*) ‘обычай, традиция’; дерб. *олән*, х.-монг. *олон* (< др.-монг. **olan*) ‘много’, либо развился в результате перелома гласного **i* ~ **i*, например: дерб. *жולהа*, х.-монг. *жолоо* (< др.-монг. **žiluγa*) ‘поводья’; дерб. *жороа*, х.-монг. *жороо* (< др.-монг. **žiruγa*) ‘иноходец’; дерб. *чонә*, х.-монг. *чоно* (< др.-монг. **čīna*) ‘волк’. Особенностью языка дербетов Калмыкии является своеобразное оканье, когда в говоре во многих словах, главным образом перед согласными *m* и *v*, произносятся в первом слоге *o* вместо *y*, например: дерб. К. *совсән* ‘жемчуг’, дерб. М. *сувсүн* ‘бусы’ (< др.-монг. *subsun* ‘жемчуг’); дерб. К. *горвән*, дерб. М. *гурвүн* (< др.-монг. *yurban*) ‘три’.

Краткий твердорядный **y* (*y*) аналогичным образом либо сохраняется со времен древнемонгольского языка, например: дерб. *улаан*, х.-монг. *улаан* (< др.-монг. **ulaγan*) ‘красный’; дерб. К. *усән*, дерб. М. *усүн*, х.-монг. *ус* // *усан* (< др.-монг. **usun*) ‘вода’, — либо развился из **i* ~ **i* в результате процесса перелома, например: дерб. К. *удгән*, дерб. М. *удгүн*, х.-монг. *удаган* (< др.-монг. **iduγan*) ‘шаманка’ (< др.-тюрк. *īduq* ‘священный, святой’); дерб. *утхә*, х.-монг. *хутга* (< др.-монг. **qituγa*) ‘нож’; дерб. К. *цусән*, дерб. М. *цусүн*, х.-монг. *цус* // *цусан* (< др.-монг. **čisun*) ‘кровь’; дерб. К. *нургән*, дерб. М. *нургүн*, х.-монг. *нуруу* (< др.-монг. **niγuγun*) ‘спина’ (> стп.-м. *niγuγun* > бур. *норган* id.).

Краткий гласный **ы* (*i*) твердого ряда в первом слоге современных калмыцкого, ойратского и монгольского языков не сохранился, перейдя либо в другие твердорядные гласные в результате перелома, либо развился в мягкий переднеязычный *i*, что часто наблюдается в калмыцком и ойратском

языках. Твердорядные слова часто при этом переходят в мягкорядные: дерб. *жиргэл*, х.-монг. *жаргал* (< др.-монг. *žiryal) ‘счастье’; дерб. *чинэр*, х.-монг. *чанар* (< др.-монг. *činar < **iinar) ‘качество’; дерб. К. *килгэсэн*, дерб. М. *килгэсүн*, х.-монг. *хялгас* (< стп.-м. *kilyasun* < др.-монг. *qilyasun) ‘конский волос’ (< др.-тюрк. *qil* id.).

В мягкорядных словах в языках дербетов Калмыкии и Монголии используются краткие гласные *э (*e*), *э (*ä*), *ө (*ö*), *ү (*ü*), *и (*i*). Как и гласные твердого ряда, приведенные мягкорядные гласные произносятся с полной артикуляцией и достаточно четко лишь в первом слоге. В других слогах они используются лишь в аффиксальных морфемах, например: *бичг* ‘письмо’ — *бичгийн* ‘письменный’, *эмн* ‘жизнь’ — *эмнэ* ‘жизненный’. Кроме того, эти краткие гласные в калмыцкой орфографии используются для обозначения соответствующих мягкорядных долгих гласных в любом слоге, поскольку долгие гласные в калмыцком литературном письменном языке в отличие от дербетских говоров и халха-монгольского языка могут сокращаться до состояния кратких гласных полного образования, например: калм.-лит. *сэн* — дерб. *сээн*, х.-монг. *сайн* ‘хороший’ (< стп.-монг. *sayin* id.); калм.-лит. *өрүн* — дерб. *өрүүн* ‘утро’; калм.-лит. *темэн* — дерб. *темээн*, х.-монг. *тэмээ(н)* ‘верблюды’ (< стп.-монг. *temegen* id.).

Процесс формирования системы кратких мягкорядных гласных общедербетского языка происходил следующим образом: *э (*e*), прежде всего, наследует древнемонгольскую фонему *э первого слога, например: дерб. *энэ*, х.-монг. *энэ* (< др.-монг. *ene) ‘этот’; дерб. *эмээл*, х.-монг. *эмээл* (< др.-монг. *emegel) ‘седло’; дерб. *текэ*, х.-монг. *тэх* (< др.-монг. *teke) ‘козел’. В единичных случаях начальный гласный *e* развился из древнемонгольского гласного *i, например: дерб. *негэн*, х.-монг. *нэг* // *нэгэн* (< др.-монг. *nigen) ‘один’.

Относительно появления гласного э в системе мягкорядных гласных языков ойратского ареала, в том числе и в языке дербетов, следует отметить, что этого гласного не было в древнемонгольском языке, а развился он лишь в ойратском ареале на месте твердорядного гласного *a под влиянием гласного *i < *i второго слога древнемонгольских слов вследствие действия ассимилятивных процессов. Древние монгольские

соответствующие слова при этом переходили в разряд мягкорядных слов. Наличие гласного э является специфической чертой системы гласных языков ойратского ареала, например: дерб. *бэрхэ*, х.-монг. *барих* ‘схватить, поймать’ (< стп.-монг. *bariqu* id.); дерб. *хэрхэ*, х.-монг. *харих* ‘возвращаться домой’ (< стп.-монг. *qariqu* id.).

Гласный *ө (*ö*) обычно сохраняется от древнемонгольского состояния, например: дерб. *өндөр*, х.-монг. *өндөр* (< др.-монг. *öndür) ‘высокий’; дерб. *көл*, х.-монг. *хөл* (< др.-монг. *köl) ‘ноги’; дерб. *мөсөн*, х.-монг. *мөс* // *мөсөн* (< др.-монг. *mölsün) ‘лед’. В ряде случаев калмыцкие и ойратские ө в первом слоге развились из древнемонгольских гласных *e и *i под влиянием процессов ассимиляции, например: дерб. *өдөр*, х.-монг. *өдөр* (< др.-монг. *edür) ‘день’; дерб. *өвсөн*, х.-монг. *өвс* // *өвсөн* (< др.-монг. *ebüsün) ‘травы’; дерб. *шөлэн*, х.-монг. *шөл* // *шөлэн* (< др.-монг. *šilün < **silün) ‘бульон’. В то же время отмечается закономерность перехода твердорядного *o* первого слога под влиянием гласного *u* (*i*) второго слога в мягкорядный гласный ө, что повлекло за собой превращение твердорядного слова в мягкорядное, например: ср.-монг. *morin > х.-монг. *морь* // *морин* — дерб. *мөрін* ‘лошадь, конь’; ср.-монг. *qorin > х.-монг. *хорь* // *хорин* — дерб. *хөрін* ‘двадцать’; ср.-монг. *qoyina > х.-монг. *хойно* — дерб. *хөөнэ* ‘после’; ср.-монг. *qonin > х.-монг. *хонь* // *хонин* — дерб. К. *хөөн*, дерб. М. *хөөн*, *хөө*, *хөй*, *хөөн* ‘овца’. В языке дербетов, причем как в Калмыкии, так и в Монголии, наблюдается употребление ө вместо ү перед согласными *m* и *v*, например: дерб. К. *хөвэ*, дерб. М. *хөб*~*хүб*~*хүв*, х.-монг. *хувь* (ср.: стп.-монг. *qubi*) ‘судьба, доля’; дерб. *хөмхэ*, х.-монг. *хумих* (ср.: стп.-монг. *qumiqu*) ‘собрать, сложить’.

Начальный гласный *ү (*ü*) языков ойратского ареала, как и в халха-монгольском языке, обычно наследует в этой позиции древний монгольский гласный *ü, например: дерб. *күрхэ*, х.-монг. *хүрэх* (< др.-монг. *kürekü) ‘достигать’; дерб. *күсэл*, х.-монг. *хүсэл* (< др.-монг. *küsel) ‘желание’; дерб. *үсөн*, х.-монг. *сүү* // *сүүн* (< др.-монг. *üsün) ‘молоко’. В ряде случаев начальный гласный ү в языке дербетов развился на месте гласных *e и *i первого слога древнемонгольского языка в результате действия процессов ассимиляции, например: дерб. К. *өвэл*, дерб. М. *үвэл*, х.-монг. *өвөл* (< др.-

монг. *ebül) ‘зима’; дерб. *нүдэн*, х.-монг. *нүд* // *нүдэн* (< др.-монг. *nidiün) ‘глаз, глаза’; дерб. *үлүү*, х.-монг. *илүү* (< др.-монг. *ilegü) ‘излишек, избыток’; дерб. *бүрүү*, х.-монг. *бярүү* (< стп.-монг. *birayu* < др.-монг. *birayu) ‘теленочек двух лет’.

Гласный *и* (*i*) языка дербетов в мягкорядных словах наследует древнемонгольский гласный *i, например: дерб. *бичкэн*, х.-монг. *бяхан* (< др.-монг. *bičiqan) ‘маленький’; дерб. *жижиг*, х.-монг. *жижиг* (< др.-монг. *žižig) ‘мелкий’; дерб. *ичхэ*, х.-монг. *ичих* (< др.-монг. *ičikü) ‘стыдиться’. Кроме того, *и* появляется в твердорядных словах языка дербетов на месте древнемонгольского *i, о чем было сказано выше.

Краткие гласные непервых слогов являются гласными неполного образования, имеют нечеткую артикуляцию, неустойчивую длительность и определяются как неясные гласные, способные к полной редукции. По своим артикуляционным признакам они скорее относятся к гласным смешанного образования и произносятся в твердорядных словах как звуки, колеблющиеся между фонемами [а] и [ы], в мягкорядных словах — как звуки средние между фонемами [э] и [и], обозначаемые нами как *ä* и *ě*, часто сохраняется также и [и] в виде *ĩ* там, где в старомонгольском языке было *i*, например: *мөрін* (< *morin*) ‘лошадь’. Наблюдения над реальным произношением гласных разных слогов дербетских и халха-монгольских слов показали, что в халха-монгольском языке неясные гласные вторых и следующих слогов имеют в общих чертах сходную артикуляцию, что и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Разница состоит в том, что в халхаском языке эти гласные подвергаются меньшей редукции, что поддерживается их орфографическим оформлением, причем с сохранением огубленных *о* и *ө* под влиянием халхаского губного сингармонизма (напр. *явсан* ‘ушел’, *ирсэн* ‘пришел’, *болсон* ‘был’, *өгсөн* ‘дал’). В языке дербетов Калмыкии краткие неясные гласные обычно значительно сокращаются, что часто приводит их к полному исчезновению. Это дало основание калмыкам полностью отказаться от их обозначения на письме (напр. *йовсн* ‘ушел’, *ирсн* ‘пришел’, *болсн* ‘был’, *өгсн* ‘дал’). В дербетских говорах Монголии, которые, кстати, не имеют своей письменной формы, эти гласные, хотя и кратко, но произносятся, видимо под влиянием халхаского языка, их редукция не столь явно

выражена, как в калмыцком языке. Так, монгольские ученые обозначают данные гласные знаком «~», который они ставят над буквой второго, третьего и последующих слогов, где они встречаются согласно гармонии гласных, например: *altān* ‘золото; золотой’, *okā, okō, okān, okūn* ‘дочь’, *anīsxā* ‘веки’, *kemkēdēk* ‘злой, кусачий (о собаке)’, *mōnggūn* ‘серебро; серебряный’, *axlātšī* ‘старшина, глава’ и т. п.

В системе вокализма современных дербетских говоров как Калмыкии, так и Монголии, а также халха-монгольского языка представлены долгие гласные, причем все они вторичные, образовавшиеся на месте двослогов в результате выпадения интервокальных согласных и слияния двух соседних гласных. Характер долготы при этом определяется по второму гласному двослога. Процесс образования долгих гласных происходил по типичной модели, что можно наглядно проиллюстрировать примером: др.-монг. *ayūla > **a’ūla* > **o’ūla* > **u’ūla* > современные дерб. К. *уулă*, дерб. М. *уул*, х.-монг. *уул* ‘гора’. Образование долгих гласных на месте преобразования двослогов прослеживается во всех современных монгольских языках.

В дербетских говорах Калмыкии и Монголии имеется три долгих твердорядных гласных *aa*, *oo*, *uu* и пять мягкорядных — *ээ* (*ee*), *ээ*, *өө*, *үү*, *ии*.

Наблюдение над эволюцией конкретных долготных комплексов с согласными *-γ-* и *-g-* в инлаутной позиции позволило получить здесь следующую картину:

**-aya-* > *-aa-* (др.-монг. *bayatur > дерб. *баатăр* ‘богатырь, герой’; др.-монг. *ulayan > дерб. *улаан* ‘красный’);

**-ayu-* > *-uu-* (др.-монг. *bayuqu > дерб. *буухă* ‘слезать’; др.-монг. *mayu > дерб. *муу* ‘плохой’);

**-uya-* > *-aa-* (др.-монг. *doluyan > дерб. *долаан* ‘семь’; др.-монг. *žiruya > дерб. *жораа* ‘иноходь; иноходец’);

**-iya-* > *-iya-* > *-aa-* (др.-монг. *niyaqu > дерб. *наах* ‘приклеивать’; стп.-м. *žiyaqu* > дерб. *заахă* ‘указывать’);

**-oya-* > *-oo-* (др.-монг. *toya > дерб. *тоо* ‘число’; др.-монг. *toya-bar > дерб. *тоогаар* ‘числом’);

**-uyu-* > *-uu-* (др.-монг. *buyura > дерб. *буурă* ‘верблюд-самец’; др.-монг. *tuuyurā > дерб. *туурһă* ‘войлочная стена юрты’; др.-монг. *quyur > дерб. *хуур* ‘смычный музыкальный инструмент’);

*-iyu- > -iyu- > -уу-, -үү- (др.-монг. *niyuqu > дерб. нууха 'утаивать'; стп.-м. qariyu > дерб. хэрүү 'ответ');

*-ege- > -ээ-, -ее-, -ээ- (др.-монг. *emegel > дерб. эмээл 'седло'; др.-монг. *egemeg > дерб. эмэг 'серьги в виде большого кольца'; др.-монг. *deger-e > дерб. дээрэ 'наверху');

*-egü- > -үү- (др.-монг. *egülen > дерб. үүлэн 'облако'; др.-монг. *degü > дерб. дүү 'младший брат, сестра');

*-ige- > -ээ-, -ее- (др.-монг. *šigekü > дерб. шеехэ 'мочиться'; др.-монг. *žige > дерб. зее 'племянник; внук по дочери');

*-igi- > -ии- (др.-монг. *čigig > дерб. чииг 'сырость, влага; роса'; др.-монг. *čigigtei > дерб. чиигтээ 'сырой, влажный');

*-igü- > -үү- (др.-монг. *serigün > дерб. серүүн 'прохладный'; др.-монг. *terigün > дерб. түрүүн 'головной, передовой');

*-ügü- > -үү- (др.-монг. *küžügün > дерб. күзүүн 'шея'; др.-монг. *ügürmeg > дерб. үүрмэг 'мелкий');

*-üge- > -ээ- (др.-монг. *čilüge > дерб. чөлөөн 'свобода'; др.-монг. *örlüge > дерб. өрлээ 'утро');

*-öge- > -өө- (др.-монг. *töge > дерб. төө 'пядь'; др.-монг. *žögekü > дерб. зөөхэ 'перевозить'; др.-монг. *žögele > дерб. жөөлөн 'мягкий');

*-aβ- > -ау- > -уу- (др.-монг. *taβlai > стп.-м. taulai > дерб. К. туулээ, дерб. М. туулаа 'заяц'; др.-монг. *aβyan > стп.-м. ауян > дерб. ууган 'первенец');

*-eβ- > -ей- > -үү- (др.-монг. *teβke > стп.-м. teiuke 'история' > дерб. түүкэ 'повесть, сказание'; др.-монг. *keβken > стп.-м. кейкен > дерб. күүкэн 'девушка, девочка');

*-oβ- > -оу- > -уу- (др.-монг. *čoβqur > стп.-м. čouqur > дерб. цоохар 'пестрый'; др.-монг. *qoβ > стп.-м. qou > дерб. хуу 'весь, все');

Долготные комплексы, в которых в интервокальном положении вместо увулярного -γ- и заднеязычного -g- в истории древнемонгольского языка находился среднеязычный щелевой -у- (-й-), также подвергались в процессе эволюции звукового строя языков ойратского ареала трансформации за счет выпадения этого интервокального согласного. При этом, как было рассмотрено выше, после выпадения смычных согласных на месте долготного комплекса развивались долгие гласные, после выпадения же щелевого среднеязычного -у- (-й-) в разных монгольских языках развились гласные

различного качества: как дифтонги, так и долгие монофтонги, причем первые развились в основном в халха-монгольском, бурятском, дагурском и других языках, кроме ойратских и западных бурятских говоров. В дербетских и западных бурятских говорах вместо дифтонгов появились долгие гласные, при этом как в позиции анлаута и инлаута, так и ауслаута [Рассадин 1982: 117].

Следует отметить, что развитие древнего двоедлого *-ауі- в истории монгольских языков дало разные результаты: в халха-монгольском языке и в языке восточных бурят в этой позиции развился твердоярдыный дифтонг -ай-, а в языке западных бурят и в дербетских говорах — соответственно мягкорядный долгий гласный -ээ-. Это хорошо прослеживается при сравнении соответствующих примеров: др.-монг. *ayinam > х.-монг. айна, вост.-бур. айна, зап.-бур. ээна, дерб. К. ээнээ, дерб. М. ээнэ 'боится'; др.-монг. *ayil > х.-монг. айл, вост.-бур. айл, зап.-бур. ээл, дерб. ээл 'двор; хозяйство'; др.-монг. *tayilaqu > х.-монг. тайлах, вост.-бур. тайлаха, зап.-бур. тээлха, дерб. тээлхэ 'развязывать, отвязывать, снимать одежду'; др.-монг. *bayinam > х.-монг. байна, вост.-бур. байна, зап.-бур. бээна, дерб. К. бээнээ, дерб. М. бээнэ 'имеется, есть'; др.-монг. *dayin > х.-монг. дайн, вост.-бур. дайн, зап.-бур. дээн, дерб. дээн 'война'.

Комплекс *-оуі- дает либо твердоярдыный дифтонг -ой- в халха-монгольском языке и в восточнобурятских говорах, либо долгий мягкорядный -өө- в западнобурятских и в дербетских говорах, например: др.-монг. *oyira > х.-монг. ойр, вост.-бур. ойро, зап.-бур. өөра, дерб. өөрй 'близко, поблизости'; др.-монг. *noyir > х.-монг., нойр, вост.-бур. нойр, зап.-бур. нөөр, дерб. нөөр 'сон', др.-монг. *qoyina > х.-монг. хойно, вост.-бур. хойно, зап.-бур. хөөна, дерб. хөөнй 'после'.

Комплекс *-ууі- в халха-монгольском языке и восточнобурятских говорах дает дифтонг -уй-, в западных бурятских говорах здесь развился долгий мягкорядный үү, в дербетских говорах — твердоярдыный уу, например: др.-монг. *uyilaqu > х.-монг. уйлах, вост.-бур. уйлаха, зап.-бур. үүлаха, дерб. уульхэ 'плакать'; др.-монг. *uyidaqu > х.-монг. уйдаха, вост.-бур. уйдаха, зап.-бур. үүдха, дерб. уудхэ 'скупать, грустить'.

Комплекс *-еуі- в халха-монгольском дал дифтонг -ий-, в бурятских говорах, как в восточных, так и западных, а также в дербетских говорах дал долгий -ии-, например:

др.-монг. **devilekü* > х.-монг. *дийлэх*, зап.-бур., вост.-бур. *дишлэхэ*, дерб. *дишлхэ* 'победить'; др.-монг. **eүitüi* > х.-монг. *ийм*, вост.-бур., зап.-бур. *шмэ*, жерб. *Иимэ* 'такой'.

Комплекс **-үй-* в халха-монгольском языке и в восточных бурятских говорах трансформировался в мягкорядный дифтонг *-үй-*, в западных бурятских говорах и в языке дербетов — в долгий мягкорядный *-үү-*, например: др.-монг. **үйisün* > х.-монг. *үйс* // *үйсэн*, вост.-бур. *үйһэн*, зап.-бур. *үүһэн*, дерб. *үүсён* 'кора березы'; др.-монг. **түйимер* > х.-монг. *түймэр*, вост.-бур. *түймэр*, зап.-бур. *түүмэр*, дерб. *түүмёр* 'лесной пожар'. В некоторых случаях этот комплекс в дербетских говорах, как и в западных говорах бурятского языка, вместо долгого мягкого *-үү-* развился в долгий *-иш-*, например: др.-монг. **күйитен* > х.-монг., вост.-бур. *хүйтэн*, зап.-бур. *хиштэн*, дерб. *киштён* 'холодный'; др.-монг. **күйисүн* > х.-монг. *хүйс* // *хүйсэн*, вост.-бур. *хүйһэн*, зап.-бур. *хиһэн*, дерб. *кишён* 'пупок'; др.-монг. **сүйике* > х.-монг. *сүйх*, бур. *хиухэ*, дерб. *сишкэ* 'серьги'.

Комплекс *-iya-*, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий гласный *-aa-* с палатализацией предшествующего согласного, например: стп.-монг. *tariyaan* > х.-монг. *тариа(н)*, бур. *тарьяан* 'хлеб, зерно; урожай'; стп.-монг. *takiya* > х.-монг. *тахиа*, вост.-бур. *тахья*, зап.-бур. *тахья~тасья* 'курица'. В языке же дербетов на месте этого комплекса развился долгий *-ээ-*, например: дерб. *такээ* 'курица', дерб. *тэрэн* 'хлеб, зерно; посев'. Здесь прослеживается влияние гласного *-i-*, поскольку в этих словах наблюдается переход твердорядного слова в его мягкорядный вариант под действием гласного *-i-*, как это наблюдается и в словах без долготного комплекса, например: дерб. *бэрүүл* 'рукоятка' (< стп.-монг. *bariyul* > х.-монг. *бариул*, бур. *барюул* id.).

Комплекс *-iye-*, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий мягкорядный *-ээ-*, а в языке дербетов в долгий *-ээ-*, например: стп.-монг. *küliyekü* > х.-монг. *хүлээх*, бур. *хүлээхэ*, дерб. *күлээхэ* 'ждать, ожидать'; стп.-монг. *iyiyeen* > х.-монг. *үнээ(н)*, бур. *үнеэн*, дерб. *үнээн* 'корова'.

Дифтонги, стоящие в ауслaute монгольских древних слов, хорошо сохранились в халха-монгольском языке и восточных бурятских говорах, но перешли в долгие гласные в языке дербетов и в западных бурятских говорах. При этом твердорядные дифтонги зачастую дают здесь долгие монофтонги согласно принятой гармонии гласных. В ойратском ареале вместо дифтонгов произносятся долгие широкие гласные, причем во многих случаях наблюдается в данном случае, наряду с твердорядными долгими гласными, также мягкорядные гласные, т. е. либо *aa*, либо *ээ*: др.-монг. **dalai* > х.-монг., вост.-бур. *далай*, зап.-бур. *далээ*, дерб. К. *далээ* // *дэлээ*, дерб. М. *далаа* 'океан'; др.-монг. **yaqai* > х.-монг., вост.-бур. *гахай*, зап.-бур. *гахээ*, дерб. К. *гахээ*, дерб. М. *гахаа* 'свинья'; др.-монг. **delekei* > х.-монг. *дэлхий*, вост.-бур. *дэлхэй*, зап.-бур. *дэлхээ*, дерб. *делкээ* 'вселенная'; др.-монг. **begelei* > х.-монг. *бээлий*, вост.-бур. *бээлэй*, зап.-бур. *бээлээ*, дерб. *беелээ* 'рукавицы'; др.-монг. **oi* > х.-монг., вост.-бур. *ой*, зап.-бур. *өө*, дерб. *өө* 'лес'; др.-монг. **qirui* > стп.-монг. *kirui* > дерб. К. *кирһүү* 'кобчик, перепелятник', ср.: х.-монг. *хяргүй* id.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в языке дербетов Калмыкии, как и у дербетов Монголии, наблюдаются одни и те же процессы развития долготных комплексов и дифтонгов и превращение их в монофтонги, которые становятся передними, если в словоформе присутствует гласный *i*.

В области консонантизма отличий в составе и артикуляции согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии почти не выявилось. Среди них обнаруживается почти полное сходство. Нет принципиальных различий и между системами согласных общедербетского и халха-монгольского языков. Единственным отличием здесь является употребление свистящего щелевого согласного *з* в языке дербетов Калмыкии вместо свистящей аффрикаты *дз* халха-монгольского языка и языка дербетов Монголии, разившейся из шипящей аффрикаты *ж* древнемонгольского языка, которая произносится в анлауте, видимо под влиянием халхаского языка, например: др.-монг. **žiruiyan* > х.-монг. *дзургаа(н)*, дерб. М. *дзургаан*, дерб. К. *зургаан* 'шесть'; др.-монг. **žiyasun* > х.-монг. *дзагас*, дерб. М. *дзагасан~дзагас*, дерб. К. *загасан* 'рыба'. В позиции же инлаута у дербетов Монголии, как и у дербетов

Калмыкии, в основном представлен щелевой *з*, например: др.-монг. *baža > х.-монг. *бадз*, бур. *база*, дерб. *базй* ‘свояк’; др.-монг. *ežep* > х.-монг. *эдзэн*, бур. *эзэн-эжсин*, дерб. *эзён*. Появление аналогичного согласного *з* вместо *дз* характерно и для бурятского языка: например, ср. соответствующие бурятские слова *зургаан* ‘шесть’, *загаһан* ‘рыба’, *база* ‘свояк’.

Кроме того, система согласных в языке дербетских говоров отличается от таковой халха-монгольского языка и тем, что в них, как и в древнемонгольском языке, сохраняется смычный глухой мягкорядный заднеязычный согласный *к*, который в халха-монгольском и бурятском языках превратился в мягкорядных словах в глухой щелевой согласный *х*, например: др.-монг. *köke > х.-монг. *хөх*, бур. *хүхэ*, дерб. *көкё*; др.-монг. *keiken > х.-монг., бур. *хүүхэн*, дерб. *күүкён* ‘девочка, девушка’.

В твердорядных словах смычный глухой увулярный древнемонгольский *q* во всех указанных современных монгольских языках перешел в глухой щелевой увулярный *х*, например: др.-монг. *aqa > х.-монг. *ах*, бур. *аха*, дерб. *ахй* ‘старший брат’; др.-монг. *buqa > х.-монг. *бух*, бур. *буха*, дерб. *бухй* ‘бык’; др.-монг. *čouqur > х.-монг. *цоохор*, бур. *соохор*, дерб. К. *цоохёр*, дерб. М. *цоохёр* ‘пестрый’. В языке дербетов в одном случае наблюдается отклонение в употреблении увулярного *х*, выразившееся в том, что этот согласный употребляется и в мягкорядных словах, но только в форме причастия будущего времени, имеющего в древнемонгольском языке в мягкорядных словах форму *-*kü*, в твердорядных словах *-*qu*. При этом в языке дербетов, как в монгольском и бурятском языках, это причастие регулярно имеет согласный *х* как в твердорядной, так и в мягкорядной форме, например: стп.-монг. *irekü* — х.-монг. *ирэх*, бур. *ерэхэ*, дерб. *ирхё* ‘приходить’; стп.-монг. *yabuqu* — х.-монг. *явах*, бур. *ябаха*, дерб. *йовхй* ‘уходить’.

Отдельные древнемонгольские согласные тоже претерпели в процессе развития звукового строя монгольских языков некоторые изменения. Так, смычный звонкий губной согласный *b (*б) в языке дербетов, как и в халхаском, сохраняет свой смычный характер, как правило, лишь в анлауте. В середине слова между гласными и перед гласными, а также в конце слова он теряет смычность и превращается в щелевой звонкий *в*

(*в*). В бурятском языке древний согласный *b сохраняется во всех позициях, например: др.-монг. *bataγana > х.-монг. *батгана*, бур. *батханаан*, дерб. *батгйнй* ‘муха’; др.-монг. *arban > х.-монг. *арав* // *арван*, бур. *арбан*, дерб. *арвйн* ‘десять’; др.-монг. *qob > х.-монг. *хов*, бур. *хоб*, дерб. *хов* ‘сплетня’.

В древнем монгольском языке в системе консонантизма были представлены лишь две аффрикаты: глухая шипящая *č (*ч*) и звонкая шипящая *ž (*дж*). В халха-монгольском языке в ряде слов на месте этих шипящих аффрикат появились четыре аффрикаты — *ч*, *ц*, *дж* и *дз*, в бурятском языке все эти четыре аффрикаты утратили смычку и превратились в обычные щелевые согласные *ш*, *ж*, *с*, *з*. Язык дербетов Калмыкии употребляет вместо двух древнемонгольских и четырех халха-монгольских аффрикат лишь три аффрикаты — *ч*, *ж* (*дж*) и *ц*. Вместо четвертой монгольской аффрикаты *дз* здесь используется обычный щелевой *з*, о чем было сказано выше: др.-монг. *žiryal > х.-монг. *джаргал*, бур. *жаргал*, дерб. *жиргйл* ‘счастье’; др.-монг. *čayaγan > х.-монг. *цагаан*, бур. *сагаан*, дерб. *цагаан* ‘белый’; др.-монг. *čitua > х.-монг. *чоно*, бур. *шоно*, дерб. *чонб* ‘волк’; др.-монг. *žada > х.-монг. *даха*, бур. *заха*, дерб. К. *захй* дерб. М. *дахй* ‘воротник’. В то же время в дербетском говоре Монголии наблюдается употребление фонемы [дз], как уже говорилось, во всех случаях там, где язык дербетов Калмыкии использует щелевой согласный *з*, например: дерб. М. *дадй* — дерб. К. *задй* ‘ненастье, непогода’ (ср.: х.-монг. *дад*, бур. *зада* < др.-монг. *žada* id.); дерб. М. *дагйсйн-дагйс* — дерб. К. *загйсйн* ‘рыба’ (ср.: х.-монг. *дагас*//*дагасан*, бур. *загаһан* < др.-монг. *žiyasun* id.).

Прочие древние монгольские согласные хорошо сохраняются как в халха-монгольском, так и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Здесь мы имеем те же губные *м*, *б*, *в*, *п*, *ф*, переднеязычные *т*, *д*, *ш*, *н*, *л*, *р*, среднеязычный *й*, заднеязычный *к*, *г*, *х*, *ң* и увулярные *х*, *г*, *ң*.

Из явлений, связанных с историческим развитием древнего гласного *i (*и*), следует отметить то, что в языке дербетов Калмыкии и Монголии, как и в халха-монгольском и бурятском, в определенный период их исторического развития произошел так называемый перелом гласного *i (*и*), на месте которого под влиянием регрессивной ассимиляции образовался гласный звук другого

качества, подобный гласному слога, следующего за этим **i (u)*. При этом следует особо отметить, что общедербетский язык, как и халха-монгольский, претерпели перелом раннего типа еще на стадии, когда в твердоядных словах вместо средневекового **i (u)* был представлен твердоядный **i (ы)*, что подтверждается отсутствием палатализации у согласных, стоящих перед **i (ы)*. В отличие от этих языков в бурятском языке перелом произошел уже на той стадии, когда **i (ы)* в твердоядных словах перешел в мягкорядный **i (u)*, что подтверждается палатализацией предшествующего согласного: др.-монг. **mīqan* > х.-монг. *мах* // *махан*, дерб. *махан* ‘мясо’, стп.-м. *mīqan* > бур. *мяхан* ‘мясо’; др.-монг. **qīmusun* > х.-монг. *хумс* // *хумсан*, дерб. К. *хумсан*, дерб. М. *хумсун*~*хумсун* ‘ноготь’, стп.-монг. *kīmusun* > бур. *хюмхан* id. Как уже говорилось выше, под влиянием гласного *i (u)*, стоявшего в твердоядных словах, развилось опереднение гласного первого слога, вследствие чего все слово из разряда твердоядных перешло в мягкий ряд. Сам *i (u)* при этом исчез. Это явление обычно хорошо прослеживается в языке дербетов Калмыкии. В ойратских говорах Монголии, в том числе и в языке дербетов, тоже происходит опереднение твердоядных согласных, но *i (u)* при этом может и сохраняться: др.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь* // *хорин*, бур. *хорин*, дерб. К. *хөрён*, дерб. М. *хөрён* // *хөрін* ‘двадцать’; др.-монг. **sabkin* > х.-монг. *савхи* // *савхин* ‘тонкая выделанная кожа’, бур. *сабхи* ‘обувь, сапоги’, дерб. К. *сэвкён*, дерб. М. *сэвкін* ‘тонкая, выделанная кожа’; др.-монг. **qubi* > х.-монг. *хувь*, бур. *хуби*, дерб. К. *хөвї*, дерб. М. *хүвї* ‘часть, доля’.

Относительно гармонии гласных, или сингармонизма, следует отметить, что как в языке дербетов Калмыкии и Монголии, так и в халха-монгольском и бурятском языках сохраняется два типа гармонии гласных: палатальной и лабиальной. Палатальный сингармонизм определяет отношение слова либо к твердому, либо к мягкому ряду, например: др.-монг. **taqa* ‘подкова’ — **teke* ‘козел’; др.-монг. **taṣaṣu* ‘отгадывать’ — **tegekü* ‘перевозить, нагружать воз’. Аналогичный статус этих слов сохраняется и в современных монгольских языках, ср. например: х.-монг. *тах*, дерб. *тахă*, бур. *таха* ‘подкова’ — х.-монг. *тэх*, дерб. К. *текё*, бур. *тэхэ* ‘козел’; х.-монг. *таах*, дерб. К. *таахă*, бур. *тааха* ‘отгады-

вать’ — х.-монг. *тээх*, дерб. К. *теехё*, бур. *тээхэ* ‘нагружать воз, перевозить’.

Губной же сингармонизм в этих языках неодинаков. Если в халха-монгольском и бурятском языках после гласного *o* первого слога в последующих слогах употребляется либо краткий *o*, либо долгий *oo*, то в языке дербетов Калмыкии и Монголии после *o* первого слога регулярно употребляется долгий *aa*, например: др.-монг. **doluṣan* > х.-монг. *долоо* // *долоон*, бур. *долоон*, дерб. *долаан* ‘семь’; др.-монг. **noṣuṣan* > х.-монг. *ногоо* // *ногоон*, бур. *ногоон*, дерб. *ногаан* ‘зелень’. В мягкорядных словах в халха-монгольском языке после *ө* первого слога, согласно закону губной гармонии, следует такой же огубленный *ө*, долгий либо краткий, например: *төлөө* ‘для, ради’, *өгсөндөө* ‘когда дал’. В языке дербетов Калмыкии и Монголии в аналогичной позиции после начального *ө* всегда следует широкий гласный *э*, краткий или долгий, например: *төлээ* ‘для, ради’, *өгсөндээн* ‘когда дал’.

Как можно было видеть из представленного выше анализа, историческое развитие фонетики языка дербетов Калмыкии и Монголии и сложение современного состояния их звукового строя происходили под влиянием различных фонетических процессов, среди которых можно выделить следующие: переход **i (ы)* > *i (u)*, перелом **i (ы)* и **i (u)*, ассимиляция и диссимиляция гласных, опереднение твердоядных гласных и переход твердоядных слов в мягкорядные, появление неясных гласных и их редукция, ослабление напряженности артикулирующих органов, что повлекло за собой выпадение интервокальных смычных *-γ-*, *-g-* и щелевого *-y (й)-*, благодаря чему развились долгие гласные, дифтонги перешли в монофтонги, смычный увулярный *q* ослабился и перешел в щелевой *x*. При этом характерной чертой звукового строя современного языка дербетов Калмыкии и Монголии является сохранение древнего смычного *k* в мягкорядных словах и отдельных твердоядных, развитие под влиянием **i (u)* в твердоядных словах на месте первослоговых *a*, *ай* мягких гласных *э* и *ээ*. Для общедербетского языка характерно также сохранение древнемонгольского типа губной гармонии гласных, при которой за огубленными *o* и *ө* следуют широкие гласные *a*, *aa* и *э*, *ээ*.

Сокращения

бур. — общепурятский язык; вост.-бур — восточный диалект бурятского языка; дерб. — общедербетский язык; дерб. К. — язык дербетов Калмыкии; дерб. М. — язык дербетов Монголии; др.-монг. — древнемонгольский язык; др.-тюрк. — древнетюркский язык; зап.-бур. — западный диалект бурятского языка; калм.-лит. — калмыцкий литературный язык; ср.-монг. — средневековый монгольский язык; стп.-монг. — старописьменный монгольский язык; х.-монг. — халха-монгольский язык

Литература

- Бадмаев Б. Б.* Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 112 с.
- Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 400 с.
- Вопросы* теоретической грамматики калмыцкого языка. М.; Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2002. 166 с.
- Вопросы* теоретической грамматики калмыцкого языка. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. Вып. 3. 129 с.
- Грамматика* калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Кичиков А. Ш.* Дербетский говор. (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 86 с.
- Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Прани. 1929. 418 с.
- Очиров У. У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. 243 с.
- Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. 390 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 200 с.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М., Шагдарсүрэн Ц., Болд Л., Даваасүрэн Б.* Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии. Элиста: Улан-Батор: Изд-во Калм. ун-та, 2010. 182 с.
- Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 158 с.
- Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 182 с.
- Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: НИИ «Джангар», 2006. 256 с.
- Вандуй Э.* Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965. 176 с.
- Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. 943 с.

УДК 81'342

ББК 81.2-3

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Б. Бадгаев

Лексика стала предметом пристального внимания лингвистов в конце XX и начале XXI в., когда глобализационные процессы потребовали поиска толерантного решения проблем межкультурной коммуникации. Исследование словарного состава имеет большое значение и для истории языка, так как рассмотрение лексики предполагает выявление исчезнувших и неупотребительных слов, ныне перешедших в состав архаизмов, историзмов, лексикализованных словосочетаний. Следовательно, лексика — «живой свидетель» развития языка.

В данной статье мы попытаемся обобщить результаты лексикологических исследований по калмыцкому языку и выявить проблемы системного описания эволюции калмыцких слов, обусловленной как внутренними закономерностями развития самой системы, так и внешними условиями развития калмыцкого языка. Нельзя познать язык, не выходя за его пределы, не обратившись к его носителю — к конкретной языковой личности.

Калмыцкий язык имеет длинную и сложную историю, что отразилось и на словарном составе современного калмыцкого языка. Калмыцкий, бурятский и халха-монгольский языки, некогда являвшиеся диалектами единого общемонгольского языка, ныне на правах самостоятельных языков входят в монгольскую группу алтайской семьи языков, получившей свое название по географическому признаку. Особо подчеркивается роль монгольских языков для алтаистических исследований [Бурькин 1999]. Тем не менее до сих пор нет четкой классификации монгольских языков, которая учитывала бы как современные языки и диалекты, так и язык средневековых памятников. Обычно выделяются, в основном, по фонологическим критериям: северно-монгольские, южно-монгольские и западно-монгольские языки.

Хотя монгольские языки начали изучаться в генетическом плане довольно давно, основное внимание исследователей привлекали главным образом фонетика и